

На пороге Внешнего дворца несколько евнухов с заискивающими улыбками поспешно шагнули навстречу и почтительно помогли Тянь Яо выйти из паланкина:

— Ван, Император ждет внутри.

— Сколько человек уже прибыло?

— Великий князь, второй ван, Наследный принц, князь Ляньсинь и двенадцатый принц уже здесь, а оба сына левого министра Ли Хуа и Ли Сяо тоже прибыли. (Прим. по правилам Государства Белого Тигра принцы по достижении восемнадцати лет получали титул вана и собственный дворец; за исключением тех, кого Император удостоил особых титулов, остальные ваны именовались по своему старшинству среди принцев).

Ли Хуа...?! В груди Тянь Яо что-то дрогнуло, легкой волной накатило странное чувство, но вовсе не прежнее преклонение. В памяти всплыли воспоминания: поначалу у сыновей левого министра вообще не было права присутствовать на подобных императорских пирах, однако вернувшийся с победой князь Чжаньнань использовал свои боевые заслуги как рычаг, заставив Императора в обязательном порядке звать их на любые застолья. И хотя в итоге он добился своего, история о том, как достойный ван воспылил страстью к мужчине, перестала быть дворцовой тайной — теперь об этом судачил каждый встречный на улице, а сплетни за едой стали излюбленным развлечением простолюдинов. На столь почитаемый образ бога войны князя Чжаньнань легла жирная черная клякса — клякса столь глубокая, что все предки Государства Белого Тигра только и могли, что горько вздыхать и заламывать руки.

В этот момент у самого уха раздалось презрительное фырканье. Обернувшись, он увидел Тянь Ле, который неизвестно когда догнал его и теперь стоял рядом.

Тянь Ле легко соскочил с лошади, небрежно бросил поводья подбежавшему евнуху и покосился на него:

— Доволен?

Тянь Яо на мгновение растерялся, но тут же сообразил, что тот, должно быть, говорит о присутствии сыновей семьи Ли. Он невольно горько усмехнулся: видимо, тот миг перерождения между жизнью и смертью изменил и кармические связи из прошлой жизни — красная нить оборвалась, а бывшее обожание испарилось. Теперь, при одном упоминании этого имени, озеро в сердце больше не покрывалось привычной рябью, оставляя лишь пустоту и горькое уныние.

Заметив, что Тянь Яо не взорвался привычной яростью, Тянь Ле невольно удивился:

— Ты сегодня и правда странный.

— Возможно, — Тянь Яо не стал на него смотреть и уверенно зашагал вслед за неторопливо вышагивающим евнухом-проводником.

Тянь Ле озадаченно почесал затылок, мысленно покрывшись целым лесом темных полос: неужто тот сегодня объелся какой-то дурн-травы?

Дворец Юнхуа.

Льются песни, кружатся танцовщицы — кругом царит мир и процветание.

Казалось, все вокруг увлечены созерцанием гибких и соблазнительных тел танцовщиц, но присмотревшись, можно было заметить, как их взгляды с заметным смыслом то и дело перебегают на двух юношей в роскошных одеждах. Те сидели за своими столами и продолжали о чем-то переговариваться с беззаботным видом, однако с каждым мгновением их движения становились все более скованными — особенно когда острый, не сулящий ничего хорошего взгляд Императора то и дело касался их фигур, заставляя их лбы покрываться тонким слодом испарины.

— Сяо-эр, мне кажется, они всё время смотрят на нас, — выражение красивого лица Ли Хуа осталось прежним, но в голосе прозвучали тревога и страх.

— Не бойтесь, во всем виновата та тварь, — пусть Ли Сяо отродясь не видел столь масштабных сборищ, на его еще по-детски наивном лице читалось дерзкое выражение молодого воробья, которому море по колено. Он сжал зубы и прошипел вполголоса: — Вот соберутся все гости и пир начнется официально, тогда ведь все прекратится?

— С чего ты взял, что мы сидим на почетных местах? И для кого, по-твоему, оставлено пустое место рядом со мной? — Ли Хуа покачал головой. — Боюсь, после начала внимания к нам станет только больше.

— Ах эта мразь! — красивое лицо Ли Сяо исказилось от ненависти и злобы. Скосив глаза, он тихонько зашептал на ухо брату: — А давай поступим так: когда он усядется на свое место, ты попросишь Императора сменить нам рассадку и публично опустишь его?

— Нельзя, — при упоминании того человека в иссиня-черных глазах Ли Хуа мелькнуло отвращение, но он сдержался и легко покачал головой. — Опозорить принца при всех — тяжкое преступление. Если мы разгневаем Драконьего Владыку, это навлечет беду на отца.

— Вовсе нет! Император наверняка сам терзается из-за того, что это пятно позорит императорскую семью. Если мы так поступим и навсегда отобьем у князя Чжаньнань охоту преследовать тебя, Император хоть на словах и накажет нас, в душе он будет безмерно благодарен за то, что мы вернули блудного сына на праведный путь. Этот шаг не только восстановит твою репутацию, но и нанесет страшный удар по его спеси. Разве это не план по убийству трех зайцев одним выстрелом? — в глазах Ли Сяо блеснула хитринка. Представив, как

этот негодяй багровеет от ярости, получив от ворот поворот, он едва не рассмеялся в голос от охватившего его злорадства.

— Если так... — бесстрастное выражение лица Ли Хуа дрогнуло. — Пожалуй, это осуществимо.

— Вот и смотри, — Ли Сяо самодовольно ухмыльнулся, всем своим видом показывая, что победа уже у него в кармане.

Они и не подозревали, что сидевшие за соседними столами ваны прекрасно видели все перемены в их выражениях лиц.

— О чем это снова гадости замышляет тот сопляк Ли Сяо, — Тянь Ао раскрыл веер, лениво взмахнул им и снова сложил, после чего небрежно бросил: — Девятому брату сегодня придется несладко, верно, пятый брат?

Он все так же полулежал в кресле, задрав подбородок с горделивым видом человека, для которого не существует авторитетов.

Сидевший рядом с ним молодой ван облачился в безупречно-белые одежды, которые на фоне пестрых и ярких нарядов остальных ванов делали его похожим на небожителя, сошедшего с небес в мир смертных. Он лениво прикрыл глаза, а в его мягком взоре читалась легкая улыбка, пока он оглядывал происходящее вокруг. Услышав вопрос, он поднял взгляд на братьев Ли, слегка нахмурился и убрал с губ мягкую улыбку:

— Пожалуй.

Его голос звучал невероятно приятно — с мягкими бархатными нотками, словно ласковый весенний ветерок, касающийся ушей и мгновенно приносящий умиротворение в душу.

— Жди и увидишь хорошее представление, — в глазах Тянь Ао главным и единственным соперником в борьбе за престол был пользовавшийся особой милостью Императора князь Ляньсинь Тянь Лянь. Он едва заметно усмехнулся и резко распахнул веер: на этом скучном пиру небольшое представление станет прекрасным развлечением.

В глазах Тянь Лянь, черных и чистых, словно окутанных легкой дымкой нефритовых камней, промелькнула мимолетная тень тревоги, но он тут же мгновенно и незаметно опустил веки, а длинные ресницы, точно крылья расправляющейся бабочки, мягко укрыли все эмоции.

— Прибыл князь Чжаньнань! Прибыл Яньсю-ван!

В этот момент резкий, пронзительный голос евнуха разнесся от самого входа во дворец. Все разговоры мгновенно стихли, и сотенные взгляды, полные сложнейших и самых разных эмоций, устремились к дверям.

Сначала в поле зрения появилась гордая, прямая фигура воина, а следом за ней — слегка утонченный силуэт главного виновника торжества, Тянь Яо.

Все замерли. Привыкший ставить себя выше всех и утопающий в крови жестокий ван Тянь Яо сегодня шел позади Тянь Ле — у них что, в глазах двоится?

Они недоверчиво потерли глаза и взглянули снова: Тянь Яо по-прежнему с абсолютно безразличным выражением лица стоял за спиной Тянь Ле.

— Э? Да как такое возможно? — кто-то не выдержал и громко ахнул.

Подобно огромному валуну, брошенному в тихую воду, это вызвало бурю среди гостей. Пир моментально зашумел; один за другим подозрительные, испуганные, изумленные и озадаченные взгляды устремились вперед, пытаясь докопаться до сути и буравя лица Тянь Яо и Тянь Ле, но кроме темных туч на лице последнего не обнаружили ровным счетом ничего.

Лицо Тянь Ле выражало полнейшее недоумение. Ещё у входа во дворец этот вечно незнающий правил приличия Тянь Яо вдруг заявил ему, что входить во дворец следует по старшинству — тогда у него самого челюсть едва не отвалилась от ума. А когда Тянь Яо без лишних слов передал свой меч стоявшему у входа стражнику, глаза Тянь Ле чуть не вылезли из орбит.

Да... да неужто это тот самый кровожадный демон Тянь Яо, который без дозволения Императора таскал с собой меч на аудиенции и избивал родных братьев по малейшему капризу?! Да он сегодня... нет, определенно... абсолютно точно объелся какой-то дряни!

Тянь Ле с трудом сдержал порыв протянуть руку и пощупать лоб Тянь Яо — не сгорел ли тот в лихорадке? Одолеваемый глубочайшим непониманием и полнейшей растерянностью, он беспомощно поскреб затылок под взглядами братьев: мол, чего вы на меня пялитесь, я сам ни черта не понимаю!

— Иди быстрее, — Тянь Яо нетерпеливо зевнул. Ему впервые захотелось соблюсти хоть какие-то приличия, чтобы облегчить себе будущие дела, а они тут устроили цирк! Какая-то темная волна раздражения поднялась из глубины души, и в нем внезапно шевельнулся импульс перерезать здесь всех до единого. Сделав глубокий вдох, он позволил вспыхнуть голубому свету: прохладный поток хлынул из груди, мгновенно подавив кровавые порывы.

Будучи мастером боевых искусств, Тянь Ле отчетливо ощутил промелькнувшее и тут же исчезнувшее за его спиной убийственное намерение. Он инстинктивно напряг все мышцы, в страхе ускорив шаг, подбежал к столу Великого князя Тянь Ляня, рухнул на стул и лишь тогда облегченно выдохнул. Но заметив недоуменный взгляд Тянь Ляня, он вдруг осознал, как сильно сейчас похож на дезертира, отчего густо покраснел. Подняв голову и глядя на Тянь Яо, он ожидаемо встретился с насмешливой улыбкой последнего. Тянь Ле вспыхнул пуще прежнего, сжав кулаки до скрежета в зубах: этот негодяй вовсе не свихнулся — он просто решил над ним поиздеваться!

Окинув взглядом зал, Тянь Яо заметил, что окружающие вновь обрели злорадные выражения лиц. Затем он перевел взгляд на восседающего на главной возвышенности Императора, чье лицо отражало целую бурю сложных чувств, и вмиг всё понял. Повернув голову в сторону, он действительно увидел оставленное рядом с Ли Хуа свободное место. Кому оно предназначалось, объяснять было излишне.

Неотрывно и сложно глядя на знакомую до боли фигуру Ли Хуа, Тянь Яо словно врос ногами в пол — он не мог сдвинуться с места ни на дюйм. В голове тут же всплыл злобный хохот Ли Сяо, суматоха и паника во дворце, Императрица и его собственный брат-близнец, исчезающие в бушующих волнах, верный до самой смерти Син Е... И конечно же, Тянь Яо — та молодая жизнь, что угасла посреди бескрайней пустыни с телом, сплошь покрытым ранами и кровью.

Тянь Яо бросил взгляд в другую сторону и увидел сидевшего там мальчишку, который вовсю махал ему рукой с сияющей на лице улыбкой. От этого зрелища его кулаки сжались еще сильнее: Тянь Яо, раз уж в этой жизни выпал шанс изменить финал, я никогда не позволю тебе снова погибнуть из-за моих капризов!

Успокоив бурю в душе, Тянь Яо отвел взгляд и больше не удостоил даже малейшим вниманием сидевшего перед ним Ли Хуа. Он решительно зашагал прямо к месту, где сидел Тянь Яо. Стоявший рядом евнух окаменел и застыл столбом, и только когда Тянь Яо отвесил ему тяжелый пинок под зад, бедолага пришел в себя и суетливо отодвинул стул рядом с Тянь Яо.

Тянь Яо неспешно сел.

На мгновение в огромном зале воцарилась абсолютная тишина — такая гробовая, что было слышно, как на пол падает иголка.

Сцена, которую Ли Сяо рисовал в своем воображении так долго, так и не воплотилась в реальность. Он тупо застыл с открытым ртом — туда запросто поместилось бы яблоко.

Ли Хуа озадаченно уставился на Тянь Яо, пытаясь разгадать его замысел в этом чересчур осмысленном взгляде: что это еще за игры? Неужто игра в кошки-мышки?

<http://bllate.org/book/24821/2936171>